УДК 801.73

АВТОРСКАЯ МАСКА ДЕДА АНТРОПА В НОВЕЛЛИСТИКЕ М. ВОЛКОВА

© 2015 г.

О.Ю. Осьмухина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

osmukhina@inbox.ru

Поступила в редакцию 24.05.2015

Анализируется специфика функционирования авторской маски в сказовом типе повествования М. Волкова. Используется сравнительно-исторический и целостный методы анализа литературного произведения. Комическая маска деда Антропа выступает средством создания формальной дистанции между читателями и автором «реальным». С одной стороны, она скрывает автора подлинного, а с другой – погружает читателей в художественный мир, неотъемлемой частью которого является сам фиктивный автор. Антроп – типично анекдотическая фигура, функционирующая в рамках анекдота, им самим рассказываемого. Его истории отличаются комической направленностью, парадоксальностью развития сюжетов и преподносятся как объективный «факт» из жизни, изложенный в игровой форме.

Ключевые слова: авторская маска, сказ, нарратор, М. Волков.

Наиболее востребованными в 1920-е гг. в качестве пространства функционирования авторской маски оказывались малые повествовательные формы, и особенно живучими были отнюдь не упрощенно-лубочные рассказы, обличавшие посредством гротескного изображения преимущественно классовые противоречия, «хищников мирового капитала» – пузатых буржуев и иных представителей «старого» мира, но сатирические повести и рассказы, развивающие и обновляющие традиции русской классики XIX в. с помощью различных типов «смехового слова», видов комического. Весьма примечательно в плане интересующей нас проблематики новеллистическое наследие Михаила Ивановича Волкова (1886–1946) [1]. Один из крупнейших критиков и теоретиков первой трети XX в., руководитель Литиздата, редактор «Нового мира» и «Красной нивы» Вяч. Полонский, характеризуя литературное движение первого постоктябрьского десятилетия, отмечал: «И если «Кузница» останется в литературе, то лишь благодаря тому обстоятельству, что в ее среде оказались писатели, сумевшие преодолеть схематическое теоретизирование и давшие ряд настоящих литературных произведений. Декларация «Кузницы» забудется. С именами же Ф. Гладкова, *М. Волкова*, В. Бахметьева, Н. Ляшко, М. Герасимова <…> должен будет посчитаться историк литературы» [2, с. 409]. Очевидно, что из ряда перечисленных Вяч. Полонским литераторов лишь Ф. Гладков обрел широкую популярность, причем весьма одиозную, тогда как тот же М.И. Волков оказался предан забвению. Однако в 1920-е гг. прозаик играл вполне заметную роль в отечественной словесности, о чем свидетельствует, его писательская востребованность (он активно публикуется и рецензируется: его повести и рассказы выходят в периодической печати отдельными изданиями [3–7], а в 1926–1929 гг. печатаются в журнале «Новый мир»). Примечательно к тому же включение его в обширное издание «Очерков народной литературы (1880–1923 гг.)» Л.М. Клейнборта [9] и в ряд справочных и энциклопедических изданий [10–13]. Тот же Л.М. Клейнборт дважды обращался с настоятельной просьбой к М.И. Волкову прислать «подробную записку о себе и своей жизни», литературных «контактах», «бытовой обстановке», а также фотографию, поскольку «все видные беллетристы прислали мне целые записки о себе. Прошу и Вас не замедлить с присылкой материала. Это необходимо в кратчайший срок» [14]. Востребованности М. Волкова способствовала, на наш взгляд, не только его устойчивая литературная репутация «пролеткультовца» и «выходца из крестьян», когда писавшие о нем в 1920-е гг. представляли его автором рассказов и сказок революционных лубков, но и незаметный и окончательный уход с литературной арены в 1928 г.

Начиная с публикации в 1919 г. рассказа «Сказ о мужике Акиме» в журнале «Гудки», М.И. Волков не просто разделяет господствующую большевистскую идеологию, но органично вписывается в послереволюционный социокультурный «сюжет». В 1920-х гг. он заведует литературным отделом Московского Пролеткульта и публикует рассказы на «канонические» темы ранней советской литературы – строительство социализма, обусловившее формиро-

вание нового человека, переустройство деревни («Петушок», «Летропикация», «Заковыка» и др.). Примечательно, что писатели «Кузницы», в отличие от бывших соратников-пролеткультовцев, «отстаивали полную свободу в выборе творческих методов. Несмотря на это, они во многом оставались в рамках вульгарно-социологических представлений пролеткультовцев. Большая часть писателей «Кузницы» оставалась верной пролетарской романтике военного коммунизма и абстрактного романтизма» [15, с. 145].

Сюжеты Волкова, чьё творчество к настоящему времени полузабыто (в силу смены идеологических установок и пересмотра «соцреалистического» канона), тяготеют к предельной функциональности, стремятся подчинить все единой задаче строительства «новой», советской реальности, с точки зрения прозаика, замечательной во всех отношениях, лишенной недостатков, в противовес строю «буржуйскому». В новеллах Волкова повествованию свойственны языковые особенности и характерологические приметы персонажа-нарратора. Это позволяет не просто проникнуть во внутренний мир героя, но и продемонстрировать посредством персонажа, берущего на себя функции автора реального, иной, отличный от традиционного для «старого мира», но получивший легитимность после революционных преобразований взгляд на действительность как таковую. Фиктивный автор в «Задиристых рассказах» (1925; он же позднее и центральная фигура «Баек Антропа из Лисьих Гор») Волкова – дед-балагур Антроп – неунывающий крестьянин, не просто наблюдающий «новую» жизнь, но пытающийся к ней приспособиться. В «Байках Антропа из Лисьих Гор» Антроп – публикатор и «первичная говорящая инстанция». Для Волкова значимым был сам фиктивный автор-нарратор как образ подчеркнуто колоритный, не просто передающий в специфической речевой манере свои «байки», но охватывающий собственным кругозором все истории, включенные в сборник.

Обе книжки «баек» деда Антропа М.И. Волков сопровождает предисловиями фиктивного автора, используя стилизацию как важнейший прием создания авторской маски, как повествовательной (слияние изображающей речи с изображаемой, стилизация авторской речи под манеру изображаемого персонажа – деда Антропа), так и в качестве художественного образа фиктивного автора (Антроп как полноценный автор-нарратор): «*Уж вы, граждане, братцы-товарищи, извините старика – может, и не по годам пустяшным делом занялся. Года на шестой десяток перевалили, а я над байками корпею*. Уж, видно, время такое пришло, что на завалинке не просидишь, – волей-неволей, а в мирское дело втянешься» [6, с. 3]. «Введение» Антропа призвано уверить читателей в аутентичности предлагаемых их вниманию текстов и «реальности» существования фиктивных авторов – у Волкова подчеркивается процесс «слушания» историй, повлекший за собой публикацию разнообразных рассказов устного и письменного происхождения. Прозаик, усиливая ощущение достоверности, делает весьма примечательную ремарку о появлении второй книги «баек» в печати. Избранный селькором, Антроп, дабы «писать, что в Лисьих Горах делается», указывает на ключевую роль «автора реального», опубликовавшего его рассказы: «Писать да писать, и накопилось баек у меня порядочная тетрадка: миру сходки на две для закурки хватило бы. Может, на закурку и пошла бы, да приехал прошлым летом в Лисьи Горы на побывку *земляк Михайла Волков. Он тоже в городе по селькорству что-то маракует. Показал ему байки. Почитал Михайла и говорит: давай, дядя Антроп, напечатаю*» [6, с. 4].

Предисловием открывается и вторая часть историй Антропа, причём теперь фиктивный автор подчёркивает, во-первых, «достоверность» своих «баек» упоминанием о том, что материал для них взят непосредственно из происходящего в Лисьих Горах, из-за чего он «нажил себе недругов». Во-вторых, утрирует собственную тягу к писательству: «Давненько-таки я над байками не корпел и чуть было совсем от них не отвык. Бывало, присядешь к столу, едва успеваешь в чернильницу помакивать <…>. Прихлопнешь промокашкой – и байка готова. <…> Этого добра не занимать стать: в Лисьих Горах что ни день, всё какая ни то история выйдет. <…> А сколько недругов байками нажил! <…> До баек ли тут… А без баек и жизнь – не в жизнь стала. <…> Будь что будет, а я от баек не отстану!» [7, с. 3–4].

Волковский сказ, рожденный на пересечении речи устной и литературной, обставляется вполне «литературным» средством – предисловием «говорящего», превращающегося в автора не произнесенного, но печатного слова. Соответственно условность становится двойственной, осознаваемой фиктивным автором-нарратором, который *когда-то сказанное* превращает в *теперь напечатанное*, ретроспективность слова подчеркивается им самим. В сказе Антропа нет иллюзии присутствия слушателя, напротив, предполагаемая аудитория иная, нежели он сам, в связи с чем обе части «Баек…» снабжены, кроме упомянутых нами предисловий, пояснительными «авторскими» отступле-

ниями, автокомментариями, разъясняющими особенности «местного колорита», политические перемены пореволюционной России. Следовательно, образ предполагаемого адресата сливается с образом реального читателя, превращаясь в «неопределенно литературную» аудиторию. Устное слово превращается в печатное, раз и навсегда зафиксированное. Автор «реальный» (М.И. Волков) стилизует текст под сказ, адресуя его *не-сказовому* слушателю, который как раз и является адресатом всего текста, но адресатом диалогически пассивным. Его присутствие тем не менее является структурным элементом повествования, поскольку дед Антроп в сказе активно использует сигналы устного говорения – комментирует, добавляет, разъясняет написанное.

Дед Антроп «заботится» о снятии дистанции между собой и читателем, делая чужую и чуждую для читателя-реципиента реальность более приближенной к нему, старается если не перевести ее на язык литературной среды (язык предполагаемого читателя), то преодолеть напряжение. При этом Антроп – типично анекдотическая фигура, функционирующая в анекдоте, им же самим рассказываемом. Во-первых, все «истории» («сказки») деда Антропа отличаются комической направленностью, парадоксальностью развития сюжетных перипетий, краткой и простой композицией (как правило, это короткий комический эпизод). Во-вторых, всем им присуща карнавальная стихия. Действия Антропа нарушают логические законы, акцент делается на функциональности этого персонажа, совершающего абсурдные действия (или рассказывающего о них) под влиянием обстоятельств, по недоразумению. Герой оказывается втянутым в выстроенные им же самим комические обстоятельства. И наконец, рассказываемые истории преподносятся как объективный «факт» из жизни, изложенный в вольной, игровой форме. «Смеховая», анекдотическая ситуация, воссоздаваемая Антропом в сказе, демонстрирует не только абсурдность действий персонажей, но и «смеховой» характер самой реальности, абсурдность мировоззрения уходящей эпохи.

В каждой новелле М. Волкова отчетливо выражена идеологическая направленность: практически везде действуют полярные (с точки зрения отношения к новой, советской власти) персонажи. В противовес герою-большевику или же «сознательному» крестьянину (в качестве которого как раз и выступает фиктивный автор-нарратор) крестьяне в целом изображаются как темная, далекая от понимания преобразующих страну событий масса. Так, в рассказе «Садик» начинанию деда Антропа в организации детского сада в Лисьих Горах противится ортодоксально верующая, не желающая понимать и принимать советских преобразований и нововведений бабка Соломонида, пытающаяся настроить против Антропа односельчан: «И не давайте и не давайте, бабоньки, ребят… Антроп не иначе как бурмицкому королю ребят продал… Всех ребят пожрет бурмицкий король… Помянете мое слово…» [7, с. 75]. В рассказе «Революция Васильевна», построенном на комическом эпизоде несостоявшегося крещения новорожденной девочки со знаковым именем Революция, комическая авторская маска Антропа создается буквально с первых строк повествования. «Дядя Антроп» не только называет самого себя в третьем лице, повествуя тем не менее от лица я-рассказчика («Антроп себя не уронит»; «Не похвастаюсь, но скажу – в деревне Антроп в мирских делах – голова, и сознаюсь: перед Васяткой – пятка» [7, с. 60]) о реально пережитом, происходящем не просто у него на глазах, но о событиях, непосредственным участником которых Антроп являлся. Как бы между делом автогерой вкрапляет в рассказ о «Васятке» самохарактеристики: «Вдруг Васятка – письмо: “пролетарием стал”… Вот до каких чинов дослужился! <…> Может, и умаразума от меня набрался. Антропу только ходу нету, а то бы Антроп…» [7, с. 60]. Антроп как традиционный комический персонаж-балагур и хвастун, до конца не понимая происходящего, выступает «разбирающимся» и сведущим в исторических событиях, «просвещая» куму, вновь при этом незначительной репликой подает себя: «Признаться сказать, огорошила кума: сколько революций было – и Февральская и Октябрьская – обе сестры родные, вот тут и разберись, которая из них Васяткино рожденье. Да Антропу себя ронять не приходится – этак строго: – Что ж, ты революцию не чуешь? – На лице кумы будто месяц взошел <…>» [7, с. 60].

Образ Антропа тяготеет к традиции балаганных дедов – комических стариков с характерным репертуаром из шуток, анекдотов, прибауток в форме монолога, речь которых содержит элемент самовосхваления, часто отмечается их пристрастие к алкоголю. Как и балаганные деды, призванные веселить пришедших на площадь всем своим обликом, шутками, жестами, передавая ощущение радости бытия, полноты жизни, абсолютной свободы, дед Антроп смешит собственным обликом, чрезмерной утрированностью движений, мимики, насмешками над собой, над порядками и нормами «старой» морали. Кроме того, как балаганный дед появлялся перед публикой с полуштофом под мышкой, так и Антроп на протяжении фа-

бульного развертывания многих «баек» нередко бывает «навеселе»: «<…> а как самогоночкой прополоснули брюха, и по душам разговорились» [16, с. 60].

Сказовая повествовательная манера Антропа основана на афористических высказываниях, имитирующих пословицы и поговорки («Кума – месяц, а я – солнышко!»; «Известно, у мужика голова – у баб слезы»; «лучше окрестить – кашу маслом не испортишь» [16, с. 60–62]), идеологически выдержанных иронических репликах, высмеивающих «пережитки» старого мира – прежде всего религиозные обряды и служителей культа. Пародийное освещение религиозных обрядов обретает и центральная сцена рассказа – крещение черной кошки вместо новорожденной Революции. Отметим, что сам зачин рассказа представляется пародийным вариантом притчи о блудном сыне, когда ушедший «на сторону» Васятка неожиданно возвращается в родной дом, однако вовсе не с целью покаяния – он демонстрирует собственное перерождение в «пролетария», поучая мать и Антропа рассказами о «новой жизни» и новых порядках. Посредством авторской маски Антропа Волков создает смеховой образ мира, причем не столько новой советской реальности, сколько реальности уходящей, исторически (с точки зрения автора, разделяющего господствующие идеологические установки) отжившей, в связи с чем как раз пародийному развенчание и осмеянию и подвергаются поп как служитель культа, мать героя, не желающая принять «нововведения» пролетариата, а также сам Антроп, втянутый в комические происшествия: «Батюшка на спешку: гыр, гыр – молитвы. <…> Да вдруг нелюдем как заорет, заорет и руку под ризу. Глядим, черный кот в пеленках зубы оскалил. Кума со страху пеленки с одеяльцем на пол уронила и закрестилась «свят, свят»… Я закрестился <…>. Батюшка крест с аналоя вознес: «Сгинь, лукавый…». А кот уселся на полу, шерсть – ершом, глаза – огонь, и неладом зарычал. Порычал, порычал, как фыркнет в дверь и был таков» [16, с. 62–63].

Носитель комической авторской маски Антроп соединяет в себе вольное, карнавальное поведение в собственной жизни с глумлением над религиозными святынями. Его поведение, сама ситуация, участником которой он является, речи героя ставят под сомнение отжившее с позиций пролетарской идеологии и культуры толкование значимости религии и религиозных обрядов. Осваивается и идет в дело и новейшая революционная символика. Именно Антроп – карнавализованный герой-шут обсуждает и интерпретирует то, как сказываются исторические и идеологические перемены на судьбе человека, простого крестьянина-обывателя.

Повествуя о приключениях обычного человека в России первых послереволюционных лет, Антроп опрокидывает, устоявшуюся веками концепцию, согласно которой религиозная составляющая есть неотъемлемая часть существования личности. Антроп простодушно рассказывает, какие комические происшествия помогают постичь истинную сущность служителей культа и религии («Заковыка», «Нечисть»), и с удовольствием принимает участие в их развенчании. Наиболее показательным примером служит история попа Асафа («Нечисть»), который в «вывороченном тулупе», пользуясь людскими суевериями и необразованностью, изображает «дворового», пугая скотину, заставляя тем самым приносить ему подношения: «Накинула Митревна шубейку, выскочила на двор, а он как повернется к ней: такой шерстистый, мохнатый, да как кулаком погрозит, а кулак с лошадиную голову. <…> Положила Митревна на ночь на плетюху каравай, а на хлеб горкой соль. <…> не погнушался дворовый ее хлебом-солью: утром на плетюхе – ни крошечки, ни солинки. Ночью скотину не тревожил, не было слышно ни брыка, ни мыка» [16, с. 51].

Итак, М.И. Волков в рамках сказа акцентирует внимание на идеологической «составляющей», изображая посредством комической маски Антропа новые, пореволюционные реалии. Комическая маска деда Антропа, демонстрируя авторское «своеволие», является средством создания формальной дистанции между читателями и автором «реальным», с одной стороны, скрывая автора подлинного, а с другой – погружая читателей в художественный мир, неотъемлемой частью которого является сам фиктивный автор, помогая, таким образом, воспринять эстетическую реальность именно в русле ее генерации.

Список литературы

1. Осьмухина О.Ю. Традиция авторской маски в русской сатирической прозе 1920-х гг. (на материале новеллистики М. Зощенко и М. Волкова) // Вестник Томского университета. Филология. 2009. № 323 (июнь). С. 41–49.

2. Полонский В.П. О литературе. М.: Советский писатель. 1988. 496 с.

3. Волков М.И. Задиристые рассказы. М.; Л.: ЗиФ, 1925. 154 с.

4. Волков М.И. Заковыка. Рассказы и сказки. М.: Кузница, 1923. 198 с.

5. Волков М.И. Рассказы. М.: Гудок, 1927. 134 с.

6. Волков М.И. Байки Антропа из Лисьих Гор. Л.: Прибой. 1926. 61 с.

7. Волков М.И. Байки Антропа. Вторая книжка. М.: Московское т-во писателей. 1927. 126 с.

8. Волков М.И. Жилтоварищество № 1331: Разные случаи и заметки, относящиеся к домоуправлению, записанные техническим секретарем оного, Андреем Ивановичем Колосковым, в связи с событиями личной жизни [Повесть] // Новый мир. 1928. № 5. С. 129–161 (Начало); № 6. С. 143–171 (Окончание).

9. Клейнборт Л.М. М. Волков // Очерки народной литературы (1880–1923 гг.). Л., 1924. С. 195–202.

10. Писатели современной эпохи / Ред. Б.П. Козьмина. М.: ГАХН, 1928. Т. 1. 144 с.

11. Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия. М.: Гиз, 1928. Т. 1. 152 с.

12. Пчелинцев И. Михаил Волков. Литературный портрет // Рабочий журнал. 1924. Кн. 3–4. С. 211–213.

13. Пакентрейгер С. Заказ на вдохновенье. Статьи о литературе. М.: Федерация, 1930.

14. Письма Клейнборта Л.М. Волкову М.И. РГАЛИ. Ф. 2225. Оп. 1. Ед. хр. 131.

15. Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2 / Отв. ред. В.П. Муромский; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 2006. 243 с.

16. Волков М. Байки Антропа. Первая книжка. Изд. второе. М.: Московское т-во писателей. 1927. 76 с.

THE AUTHOR'S MASK OF GRANDAD ANTROP IN THE STORIES BY M. VOLKOV

O.Yu. Osmukhina

The article investigates the specific features of the author's mask functioning in the stories by M. Volkov. By using the comparative-historical and holistic method of analysis of a literary work, the author has established that the comic mask of Grandad Antrop, which possesses self-consciousness and shows the author's "willfulness", often changes the tone and is a means for creating a formal distance between the reader and the "real" author. On the one hand, it hides the real author, but on the other it immerses the reader in the fictional world, of which the fictitious author is an integral part. Antrop is a typically comical figure functioning in the framework of the joke that he tells himself. His stories are comical and their plot develops in a paradoxical way. All of these stories have an element of carnival. Antrop's actions violate all laws of logic. The stories he tells are presented as an objective "fact" of life, set out in the form of a game.

Keywords: author's mask, skaz, narrator, M. Volkov.

References

1. Os'muhina O.Yu. Tradiciya avtorskoj maski v russkoj satiricheskoj proze 1920-h gg. (na materiale novellistiki M. Zoshchenko i M. Volkova) // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya. 2009. № 323 (iyun'). S. 41–49.

2. Polonskij V.P. O literature. M.: Sovetskij pisatel'. 1988. 496 s.

3. Volkov M.I. Zadiristye rasskazy. M.; L.: ZiF, 1925. 154 s.

4. Volkov M.I. Zakovyka. Rasskazy i skazki. M.: Kuznica, 1923. 198 s.

5. Volkov M.I. Rasskazy. M.: Gudok, 1927. 134 s.

6. Volkov M.I. Bajki Antropa iz Lis'ih Gor. L.: Priboj. 1926. 61 s.

7. Volkov M.I. Bajki Antropa. Vtoraya knizhka. M.: Moskovskoe t-vo pisatelej. 1927. 126 s.

8. Volkov M.I. Zhiltovarishchestvo № 1331: Raznye sluchai i zametki, otnosyashchiesya k domoupravleniyu, zapisannye tekhnicheskim sekretarem onogo, Andreem Ivanovichem Koloskovym, v svyazi s sobytiyami lichnoj zhizni [Povest'] // Novyj mir. 1928. № 5. S. 129–161 (Nachalo); № 6. S. 143–171 (Okonchanie).

9. Klejnbort L.M. M. Volkov // Ocherki narodnoj literatury (1880–1923 gg.). L., 1924. S. 195–202.

10. Pisateli sovremennoj ehpohi / Red. B.P. Koz'mina. M.: GAHN, 1928. T. 1. 144 s.

11. Vladislavlev I.V. Literatura velikogo desyatiletiya. M.: Giz, 1928. T. 1. 152 s.

12. Pchelincev I. Mihail Volkov. Literaturnyj portret // Rabochij zhurnal. 1924. Kn. 3–4. S. 211–213.

13. Pakentrejger S. Zakaz na vdohnoven'e. Stat'i o literature. M.: Federaciya, 1930.

14. Pis'ma Klejnborta L.M. Volkovu M.I. RGALI. F. 2225. Op. 1. Ed. hr. 131.

15. Iz istorii literaturnyh ob"edinenij Petrograda – Leningrada 1920–1930-h godov: Issledovaniya i materialy. Kn. 2 / Otv. red. V.P. Muromskij; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). SPb.: Nauka, 2006. 243 s.

16. Volkov M. Bajki Antropa. Pervaya knizhka. Izd. vtoroe. M.: Moskovskoe t-vo pisatelej. 1927. 76 s.